

П. Сорокин

**Проблема социального
равенства**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
П11

П11 **П. Сорокин**
Проблема социального равенства / П. Сорокин – М.: Книга по Требованию,
2021. – 66 с.

ISBN 978-5-458-54760-4

ISBN 978-5-458-54760-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Въ наше время нѣтъ надобности, критиковать подробно это мнѣніе. Оно давно уже опровергнуто. Достаточно сказать, что теорія чистыхъ расъ оказалась мифомъ *); ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ, напр. и специально нѣмецкой или англійской крови. Въ наше время чистота крови сохраняется развѣ только на конскихъ заводахъ, выводящихъ «чистокровныхъ» жеребцовъ, да въ хлѣвахъ іоркширскихъ свиней, да и тамъ кажется не этимъ «расовымъ» признакомъ обуславливается «симпатія» одного коня къ другому. Въ мірѣ же людей указываемый признакъ единства крови и единства расы, какъ критерій національности рѣшительно не годенъ. Когда мы говоримъ: «Ивановъ и Петровъ — одной національности», то, конечно, не потому, что мы изслѣдовали химическій составъ ихъ крови, установили черепные показатели того и другого, изгибъ носа, разрѣзъ глазъ и т. д., а по какимъ-то инымъ основаніямъ, ничего общаго неимѣющимъ съ теоріей единства расы.

в) Многіе изслѣдователи видятъ отличительный признакъ національности въ единствѣ языка. Люди, говорящіе однимъ языкомъ, принадлежатъ къ одной національности, таково основное положеніе этого теченія. Данная теорія національности едва ли не самая популярная и самая распространенная. Однако, отъ этого она не становится еще истинной.

*) По Ж. Фино, напр., германская раса съ антропол. точки зрѣнія представляетъ смѣсь поляковъ, ободритовъ, вендовъ и др. славянскихъ племенъ. «Первобытные пруссаки, оказывается, не имѣли ничего общаго съ германцами. Ихъ настоящее имя было Боруссы, языкъ ихъ былъ похожъ на литовскій» и т. д.

Тотъ же авторъ французскую кровь или расу считаетъ составленной изъ крови аквитанцевъ, силуровъ, иберійцевъ, басковъ, васконовъ, спетовъ, либійцевъ, сардоновъ, битугиновъ, вандаловъ, венецовъ, гельветовъ, поляковъ, вендовъ, кимбровъ, вестготовъ, аллемановъ, франковъ, евреевъ, сарациновъ, этрусковъ, белговъ, пеласговъ, аваровъ и т. д. То же относится и къ любой расѣ. См. его «Агонія и смерть чел. расъ». С. 15, 85; его же «Предразсудокъ расъ» (фр. издание). См. также Oppenheimer: Die rassentheoretische geschichtsphilosophie въ «Verhandlungen» 2-го нѣмецкаго конгресса социолог-въ, посвященнаго проблемѣ національности. 1913.

Если бы языкъ былъ такимъ рѣшающимъ признакомъ, то тѣхъ лицъ (а таковыхъ не мало), которыя одинаково хорошо и съ дѣтства владѣютъ нѣсколькими языками, пришлось бы признать денаціонализированными, а слѣд., венгерцы, владѣющіе и венгерскимъ и нѣмецкимъ языками, не могли бы считать себя венгерской національностью. То же относилось бы и ко всѣмъ «многоязычнымъ» лицамъ и народамъ. Во вторыхъ, люди, обычно принадлежащіе къ различнымъ націямъ *), напр., англичане и американцы, разъ они говорятъ на англійскомъ языкѣ, должны были бы составить тогда одну англійскую націю; американской націи, какъ не обладающей собственнымъ языкомъ, тогда не могло бы быть. И обратно: туринецъ, сициліецъ и миланецъ не могли бы принадлежать къ одной итальянской націи, т. к. ихъ говоры весьма далеки другъ отъ друга. Въ третьихъ, если даже и принять этотъ признакъ, то мы не избавляемся этимъ отъ цѣлаго ряда противорѣчій и сомнѣній. Первое сомнѣніе гласило-бы: насколько расходящимися должны быть языки или нарѣчія, чтобы языкъ, а соотвѣтственно и народъ, говорящій имъ, могли быть признанными въ качествѣ самостоятельныхъ національныхъ единицъ? Если это расхожденіе должно быть основнымъ, тогда пришлось бы признать, напр., національностью только славянство, и объединить въ эту національность такія группы, какъ великороссы, малороссы, поляки, сербы, болгары, русины и т. д. Каждый изъ этихъ народовъ въ отдѣльности не могъ бы составить національность, ибо языки ихъ болѣе или менѣе близки. То же нужно-было бы сказать и о французахъ, итальянцахъ и румынахъ, какъ единицахъ, говорящихъ на языкахъ родственныхъ. И они порознь тогда не могли бы называться націей и національностью, а должны были бы составить одну «романскую» національность. Въ итогъ мы получаемъ картину, рѣшительно расходящуюся съ обычнымъ пониманіемъ этого термина.

*) Въ дальнѣйшемъ авторъ употребляетъ термины: «нація» и «национальность» какъ тождественные.

Если же это различіе языковъ должно быть незначительнымъ, то мы попадаемъ въ новую крайность. Почему тогда это различіе не уменьшить и вмѣсто русскаго, польскаго, украинскаго языковъ или нарѣчій, не считать такимъ достаточнымъ различіемъ простое отличіе говоровъ. Логическихъ препятствій для этого нѣтъ. Тогда вмѣсто русской, польской и украинской національности изъ одной великорусской народности выкроились бы нижегородская, ярославская, московская, вологодская и др. національности. Терминъ «языкъ»,—не есть нѣчто абсолютно опредѣленное и сплошь и рядомъ подмѣняется терминами «нарѣчіе», а иногда и «говоръ». Какъ видимъ, и здѣсь нѣтъ спасенія.

Наконецъ, если бы все дѣло было въ языкѣ, то едва ли можно было бы говорить о русской національности, или о національности бельгійской или англійской. Полякъ, малоруссъ, еврей, черемиссъ, калмыкъ, вотякъ, молдаванинъ и т. д. въ этомъ случаѣ не могли бы говорить о «русскомъ патріотизмѣ», о «русскомъ отечествѣ», считать себя по національности «русскими» и наклеивать на себя значекъ «Россіи», какъ того единства, къ которому они себя относятъ. То же относится и къ Англіи или Бельгіи, въ составъ которыхъ входятъ народы, говорящіе на самыхъ различныхъ языкахъ. А между тѣмъ въ рѣчахъ и статьяхъ текущаго момента говорится именно и главнымъ образомъ не о черемисскомъ, вотяцкомъ или калмыцкомъ патріотизмѣ и національности, а именно о русской, не о валлонской или фламандской, а о бельгійской и т. д.

Эти краткіе штрихи показываютъ, что на почвѣ одного языка нельзя построить зданіе національности.

с) То же можно сказать и о всѣхъ другихъ признакахъ, выдвигавшихся въ этой области. Такимъ признакомъ не можетъ быть ни религія, ибо люди относящіе себя къ одной національности, сплошь и рядомъ исповѣдуютъ различную религію, и обратно, люди, принадлежащіе къ одной религіи, сплошь и рядомъ являются представителями различныхъ націй. Не является искомымъ признакомъ и

общность экономических интересовъ, такъ какъ очень часто (если не всегда) экономическіе интересы русскаго рабочаго меньше противорѣчатъ экономическимъ интересамъ нѣмецкаго пролетарія, чѣмъ русскаго капиталиста. Не могутъ быть искомымъ признакомъ націи и единство правящей династіи или, какъ указываютъ многіе, — «единство историческихъ судебъ». Последнія — весьма измѣнчивы и текучи. Сегодня они объединили въ одно цѣлое грековъ, сербовъ, болгаръ и черногорцевъ противъ турокъ, а завтра тѣ же «судьбы» разъединили союзниковъ и сдѣлали ихъ врагами.

Но можетъ быть искомымъ критеріемъ служить единство морали, права и нравовъ? Увы! нѣтъ! Кому же не извѣстно, что разница между русскимъ крестьяниномъ и русскимъ «бариномъ» въ этомъ отношеніи гораздо большая, чѣмъ между русскимъ бариномъ и «нѣмецкимъ» аграріемъ.

Тогда быть можетъ искомый иксъ заключается въ единствѣ міровоззрѣнія, въ единствѣ философіи? Опять таки нѣтъ. Міровоззрѣніе русскихъ социал-демократовъ и нѣмецкихъ социалистовъ, или нѣмецкихъ философовъ и русскихъ философовъ, нерѣдко сходно, а по національности они относятъ себя къ различнымъ центрамъ и теперь стоятъ во враждебныхъ націяхъ.

Поищемъ еще другихъ признаковъ. Нѣкоторые указываютъ на единство культуры, какъ на отличительную черту національности. Но развѣ это «туманное пятно» не состоитъ какъ разъ изъ тѣхъ элементовъ, о которыхъ только что шла рѣчь? Выбросьте изъ «культуры» языкъ, религію, право, нравственность, «экономику» и т. д., и отъ «культуры» останется пустое мѣсто.

d) Есть еще одна попытка установить понятіе и сущность національности путемъ подчеркиванія психологической природы этого явленія. Национальность говорятъ сторонники этой теоріи, это «сознаніе своей принадлежности къ опредѣленному политическому тѣлу, вызываемое различными причинами — рели-

гіозными, економічскими, правовыми, єдинствомъ языка, историческихъ традицій, и т. д.

Если вдуматься въ это опредѣленіе, то мы видимъ, что здѣсь центръ тяжести лежитъ въ психологическомъ отнесеніи себя къ тому или иному обществу или группѣ. Но ясно, что и это опредѣленіе только ставитъ, а не рѣшаетъ вопросъ. Примѣръ: я, какъ журналистъ, отношу себя къ опредѣленному соціальному тѣлу — къ моей редакціи (группѣ людей), какъ православный — къ опредѣленной церкви (то же группѣ), какъ «подданный» Россіи — къ русскому государству (то же группа), какъ говорящій на русскомъ, эскимосскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ я отношу себя ко всѣмъ лицамъ, говорящимъ на нихъ (то же группы) и т. д. Во всѣхъ случаяхъ у меня на лицо «сознаніе своей принадлежности» къ той или иной группѣ. Которая же изъ нихъ будетъ моей націей? Которое изъ этихъ «сознаній» будетъ моимъ «національнымъ» сознаніемъ? Какіе именно интересы изъ перечисленныхъ я долженъ считать «національными»? Въ отдѣльности, повидимому, ни одна изъ этихъ связей не есть національная связь, а вмѣстѣ взятыя, онѣ не покрываютъ другъ друга и противорѣчатъ одна другой. Теорія не даетъ опредѣленія, а потому и ее приходится отвергнуть. И она «туманна, неясна и не вѣрна».

Въ итогѣ, какъ видимъ, ни одна изъ теорій не удовлетворяетъ и не знаетъ, что такое національность*).

*) Сказанное относится и ко всѣмъ тѣмъ теоріямъ, которыя опредѣляютъ національность, какъ «коллективную душу» и т. д. Вѣдь и церковь и редакція, и классъ, и каста — то же «коллективныя души». Что же является характернымъ для «національной коллективной души»? — Огвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ, если не считать пустыхъ слова. Образцомъ этого «словозвонства» можетъ служить извѣстная книга О. Бауэра, а болѣе новымъ — доклады нѣмецкихъ соціологовъ въ *Verhandlungen des Zweiten Deutsch. Soziologentages*. 1913. И тутъ, и тамъ — постоянное смѣшеніе государства, родины, національности, народа, etc., будто это вещи однородныя.

Но, могутъ спросить меня вѣдь существуютъ же, напр., поляки, не составляющіе пока одного государства и тѣмъ не менѣ представляющее одно цѣлое. Неужели же это не фактъ? Неужели еще нужно доказательствъ?

— Да, конечно, существуютъ, отвѣчу я, но связь объединяющая ихъ, или языкъ, или религія, или общія историческія воспоминанія и т. д., т. е. одна изъ вышеуказанныхъ связей, сама по себѣ, какъ мы видѣли, не достаточная для установленія и кристаллизаціи національности. А во вторыхъ, не слѣдуетъ забывать и того, что какое-нибудь соединеніе людей можетъ считаться социальнымъ цѣлымъ, самостоятельной единицей, лишь въ томъ случаѣ, когда это соединеніе по своимъ социальнымъ функциямъ или социальной роли представляетъ нѣчто единое, когда его части дѣйствуютъ въ одномъ направленіи и преслѣдуютъ однѣ цѣли. Видимъ ли мы это на примѣрѣ Польши? Увы! нѣтъ. Въ данной войнѣ поляки Россіи и поляки Австріи имѣли сплошь и рядомъ только общее имя и. больше ничего, ихъ политика нерѣдко была противоположной («Русская и австрійская оріентація» etc). Кто удовлетворяется однимъ именемъ и придаетъ ему «магическое» значеніе, тотъ можетъ довольствоваться такимъ пониманіемъ національности. Сторонникъ же реалистической социологіи едва ли припишетъ простой общности «имени» свойство и способность обоснованія «национальной» группировки людей. Сказанное о полякахъ съ соотвѣствующими измѣненіями примѣнимо и къ любой «націи».

Что же мы имѣемъ въ итогѣ? — Довольно странный выводъ: въ процессѣ анализа національность, казавшаяся намъ чѣмъ-то цѣльнымъ, какой-то могучей силой, какимъ-то отчеканеннымъ социальнымъ слиткомъ, — эта «национальность» распалась на элементы, и исчезла.

Выводъ гласитъ: національности, какъ единого социального элемента, нѣтъ, какъ нѣтъ и специально національной связи. То, что обозначается этимъ словомъ, есть просто

результатъ нерасчлененности и не глубокаго пониманія дѣла. Если мы назовемъ плохимъ ученымъ того химика, который сказалъ бы, что химическимъ элементомъ является вода или кусокъ бутерброда, то такими же плохими социологами являются и всѣ тѣ многочисленные трубадуры—поносители и восхвалители національности,—которыми теперь хоть «прудь пруди». Сознаю, что этоутвержденіе смѣлое, кажущееся парадоксальнымъ, но тѣмъ не менѣе, это такъ.

Чувствую, что читатель все еще сомнѣвается и никакъ не можетъ согласиться со мной: . А «еврейскій вопросъ»? а «армянскій вопросъ»? а «украинскій вопросъ»? а «польскій вопросъ»? а «инородческій вопросъ»? Развѣ все это не проявленіе той же «національности», (легкомысленно отрицаемой мною), развѣ все это не «національные вопросы»—спросятъ меня и, пожалуй, чего добраго, сдѣлаютъ изъ сказаннаго выводъ, что разъ національности нѣтъ, то нѣтъ и національнаго вопроса, а потому нечего и говорить о правахъ «какихъ-то тамъ» евреевъ, украинцевъ, поляковъ и т. д.

Во избѣжаніе такихъ «поспѣшныхъ» выводовъ, я заранѣе долженъ откреститься отъ нихъ и кратко разсмотрѣть вопросъ и въ этой плоскости.

Вмѣсто отвѣта я снова напомню пѣимъ съ химикомъ, считающимъ «бутербродъ» —химическимъ элементомъ. Несомнѣнно, онъ ошибается, но несомнѣнно также, что «бутербродъ»—реальная вещь, но вещь сложная, распадающаяся въ анализѣ на множество элементовъ. То же и тутъ. Всѣ эти вопросы—несомнѣнно существуютъ. Но постарайтесь вникнуть въ нихъ и вы убѣдитесь, что въ нихъ, во первыхъ, нѣтъ никакого «національнаго» элемента, во вторыхъ, несмотря на общій терминъ «національный», прилагаемый ко всѣмъ этимъ вопросамъ, они въ корнѣ различны между собой. Еврейскій вопросъ не то, что польскій, послѣдній не то, что украинскій.

Въ чемъ же разница и въ чемъ суть дѣла? А вотъ въ чемъ. Сущность этихъ «бытовыхъ» для Россіи вопросовъ заключается ни въ чемъ иномъ, какъ въ рядѣ

правовыхъ ограниченій (право языка, религіи, передвиженія, гражданскія, политическія права и т. п.), налагаемыхъ на опредѣленную группу людей, объединенныхъ тѣмъ или другимъ (или нѣсколькими) социальными признаками. Иначе говоря, наши «національные вопросы» составляютъ одну изъ главъ общаго ученія о правовомъ неравенствѣ членовъ одного и того же государства. Какъ извѣстно, лозунгъ: «правовое равенство», или его равновидность: «равенство всѣхъ передъ закономъ» — пока еще остается лозунгомъ. Несмотря на уравнительный наклонъ, проявляющійся въ поступательномъ ходѣ исторіи, фактически идеаль «правового равенства» далеко еще не достигнутъ и въ особенности у насъ. Развѣ равны права дворянина, мѣщанина, крестьянина и духовныхъ лицъ? Развѣ одинаковы права купца 1-ой гильдіи (изъ тѣхъ же евреевъ) и бѣдняка рабочаго? Развѣ одинаковы права капиталиста и пролетарія, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и человѣка безъ чина, лица, обладающаго цензомъ для выборовъ и не обладающаго имъ? Далеко нѣтъ. Во всѣхъ отношеніяхъ — и въ сферѣ гражданскихъ, семейныхъ, государственно-политическихъ и полицейскихъ, служебныхъ и даже уголовныхъ правъ — однѣ изъ группъ пользуются полнотою правъ, другія же только нѣкоторыми правами. Однѣ имѣютъ привилегіи, другія — «ограниченія» и «лишенія правъ» (по службѣ, по выборамъ, по праву заключать сдѣлки, по владѣнію родовыми, заповѣдными и майоратными землями, по пенсіи, по праву быть членами любого общества, праву давать свидѣтельскія показанія на дому, по праву занимать общественныя должности, исповѣдывать ту или иную религію, учить дѣтей на томъ или иномъ языкѣ, по праву самоуправления и т. д. и т. д.).

Крайнимъ предѣломъ этого «лишенія правъ» является присужденіе къ каторгѣ и сопровождающее его «лишеніе всѣхъ правъ», въ томъ числѣ и свободы. Болѣе мягкимъ видомъ служить «лишеніе всѣхъ особенныхъ, и лично и

по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ». Однородными же, болѣе мягкими, хотя назначаемыми уже по инымъ основаніямъ, являются и всѣ указанная выше правовыя ограниченія; сюда же входятъ, въ качествѣ частнаго вида и «національно-правовыя» ограниченія. Подъ этимъ именемъ кроется рядъ различныхъ (и весьма ощутительныхъ) правовыхъ ограниченій по различнымъ и сложнымъ основаніямъ: вслѣдствіе религіи (евреи, поляки-католики, русскіе-старовѣры, язычники, сектанты), вслѣдствіе пространственнаго расположенія родины даннаго человѣка или совокупности людей (мѣста, лишенные самоуправленія, напр., земства, и мѣстные уроженцы, лишенные соовѣтственныхъ правъ), вслѣдствіе имущественнаго положенія (права еврея 1-ой гильдіи и еврея же—бѣдняка были неодинаковы и въ отношеніи черты осѣдлости, и политическихъ правъ и т. д.), вслѣдствіе степени образованія или профессіи (въ отношеніи той же черты осѣдлости, какъ извѣстно, права евреевъ, кончившихъ высшее учебное заведеніе или фармацевтовъ, были иные, чѣмъ у простаго еврея, равно и права русскихъ, вслѣдствіе этого же факта образованія, также различны), вслѣдствіе языка (малоросы, евреи, поляки и инородцы); вслѣдствіе особыхъ бытовыхъ условій—напр., низкаго умственнаго и нравственнаго развитія (безправіе кочевыхъ народовъ) вслѣдствіе того или иного сословнаго или профессиональнаго происхожденія даннаго лица отъ данныхъ родителей (дворянинъ, купецъ, крестьянинъ, и т. д. и т. д.).

Я не могу здѣсь вдаваться въ подробный анализъ, такъ называемыхъ «національныхъ» ограниченій. Но изъ сказаннаго, я думаю, ясно, что всѣ они разлагаются на иныя, болѣе простыя ограниченія, а нигдѣ здѣсь нѣтъ какого-то спеціального національнаго принципа. Выкиньте изъ «національныхъ» причинъ — причины религіозныя, сословныя, имущественныя, профессиональныя, «бытовыя» и т. д.—и изъ «національ-

ныхъ» ограниченій не останется ничего. Даже само правовое отнесеніе того или иного человѣка, напр., Аарона Левинсона, къ «еврейской націи», производится не на основаніи «еврейской національной крови», а по тѣмъ же религіознымъ и др. основаніямъ. Стоило недавно ему переимѣнить религію (евреи выкресты) и почти всѣ еврейскія ограниченія падали, а это значитъ, что для права исчезала «еврейская національность», и появлялась новая, напр., «русская».

Но развѣ эти перечисленныя основанія правоограниченій, напр. религіозныя, представляютъ національныя основанія? Развѣ «религія» и «національность» одно и то-же?— Ясно, что нѣтъ, иначе пришлось бы признать «языческую націю», націю баптистскую, хлыстовскую, скопческую, католическую и т. д. Ясно, что это абсурдъ. Но не менѣе ясно, что ограниченія правъ цѣлыхъ группъ сектантовъ, вытекающія изъ чисто религіозныхъ основаній, однохарактерны съ ограниченіями ряда «національностей» и нерѣдко гораздо болѣе тяжелы и важны. Точно также и всѣ остальные основанія правоограниченій (территорія, образованіе, имущ. цензъ, сословіе и т. д.)—не имѣютъ никакого «національнаго» элемента. А вѣдь безъ нихъ нельзя представить и создать никакой «національности».

Итакъ, въ итогъ и здѣсь мы пришли къ опредѣленному даннымъ. Мы убѣдились, что нѣтъ никакихъ спеціально «національныхъ» основаній, дающихъ почву для «національныхъ» ограниченій. Мы видѣли, что само понятіе «еврея» или «малоруса», или «поляка» (а соотвѣтственно и социальныхъ группъ, образуемыхъ ими) опредѣляется не какимъ то таинственнымъ національнымъ принципомъ, а рядомъ простыхъ и общихъ условій (религія, языкъ, сословность, экономическое положеніе и т. д.), въ различныхъ формахъ выступающихъ на аренѣ общественной жизни и создающихъ различную, подчасъ весьма сложную группировку. Коротко говоря, нѣтъ національныхъ проблемъ и національнаго неравенства, а